
ИДЕОЛОГИЯ МИРОВОГО ОБЩЕСТВА: ПОЛИТИКО-СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ

Зуйков Р. С.

к. полит. н., научный сотрудник Института мировой экономики
и международных отношений РАН.

E-mail: RZuikov@yandex.ru

На основе системного подхода в социальной и политической теории анализируются процессы трансформации идейно-политической сферы в общем контексте политической глобализации. Обосновывается концептуальная интерпретация процессов политической глобализации как тенденции формирования мирового общества – социальной системы особого типа. Рассматривается проблема идеологической легитимации «космополитического суверенитета» становящейся политической подсистемы мирового общества в качестве гипотетической системы глобального управления. Делаются выводы о направлении развития идейной сферы в контексте политической глобализации.

Ключевые слова: политическая глобализация, идеология, системный подход, мировое общество, система глобального управления, космополитический суверенитет, права человека, космополитизм.

The processes of ideological and political sphere transformation within the general context of political globalization are analyzed on the basis of a systemic approach in the social and political theory. The conceptual interpretation of the processes of political globalization as a tendency of formation of the world society – a social system of a particular type – is proved. The author considers a problem of ideological legitimation of “cosmopolitan sovereignty” of the forming world society's political subsystem as a hypothetic global governance system. The conclusions about the direction of ideological sphere development within the political globalization context are given.

Keywords: political globalization, ideology, systems approach, world society, system of global governance, cosmopolitan sovereignty, human rights, cosmopolitanism.

Развитие процессов текущего этапа глобализации в конце XX – начале XXI в., совпавшее с окончанием эпохи политико-идеологической конфронтации XX в., вносит радикальные изменения в различные сферы общественного устройства, включая и политическую. В этой связи становится актуальным вопрос о том, влечет ли политическая глобализация соответствующую трансформацию идейно-политической сферы, и если таковая происходит, то каково ее направление. Для ответа на данный вопрос представляется необходимым поставить ряд задач и предложить их решение:

1) опираясь на социальную и политическую теории, показать место и функции идеологии в общественно-политическом устройстве;

Век глобализации 2/2014 91–104

2) определить обусловленное глобализационными процессами направление трансформации социально-политического контекста существования идеологии как общественного феномена;

3) выяснить, существует ли некий запрос на идеологию, обусловленный политической глобализацией, и если да, то в чем он заключается;

4) на основе решения предшествующих задач определить наиболее вероятное центральное направление развития идейной сферы в контексте политической глобализации.

Прежде чем перейти к решению поставленных задач, целесообразно привести обобщенное определение идеологии как социально-политического феномена. Достаточно универсальной видится дефиниция, данная основоположником теории политической системы Д. Истоном. Идеологии, по его мнению, – это режимные ценности, состоящие из сформулированных этических интерпретаций и принципов, которые объясняют цели, организацию и границы политической жизни. Эти идеалы и цели помогают членам политической системы интерпретировать прошлое, объяснять настоящее и предлагают видение будущего [Easton 1965: 290].

Место и функции идеологии в обществе с позиций системного подхода в социальной и политической теории

Для определения места и функций идеологии в обществе представляется необходимым обратиться к социологическим и политологическим концепциям, посвященным разработке системных моделей общества в целом и его политической сферы в частности. Прежде всего весьма полезным для решения поставленных задач может оказаться структурно-функциональный подход в теории социальных систем. Его ведущим представителем Т. Парсонсом были заложены социально-философские основы, позволяющие осуществить политико-системный анализ идеологии как общественного феномена.

«Переменные» действия, обусловленные ценностными ориентациями субъектов действия, выступают в концепции Парсонса необходимыми компонентами системы социального действия (далее – ССД). В соответствии с ними одним из существенных признаков социального действия является наличие у его субъектов определенной сферы выбора в отношении целей и средств их достижения в сочетании с нормативной ориентацией субъектов [Парсонс 2000: 96–98]. При этом общество как самодостаточная социальная система (включающая в качестве одной из подсистем интересующую нас политическую систему), являясь в свою очередь одной из подсистем ССД, не обладает самодостаточностью лишь с точки зрения самолегитимации собственного нормативного порядка. В качестве системы, легитимирующей нормы и установления данного общества, выступает другая подсистема ССД – культурная. «В процессе легитимации нормативного порядка общества культурные ценностные образцы обеспечивают непосредственную связь между социальной и культурной системами. Способ легитимации, в свою очередь, основывается на религиозных ориентациях» [Он же 1993: 103].

Необходимо пояснить, что под нормативным компонентом социальной системы Парсонс понимает совокупность универсалистских правил (норм), которые определяют ожидания в отношении деятельности таких структурных компонентов системы, как роли и коллективы (последние выполняют в социальной системе функцию целедостижения в рамках ее политической подсистемы), тогда как цен-

ности – это нормативные образцы, определяющие в универсалистических терминах схему ориентации, желательной для системы в целом [Парсонс 2002: 579]. Иными словами, ценности – это наиболее общие представления о желаемом типе социальной системы. Среди ее структурных компонентов они занимают ведущее место в исполнении системой функции сохранения и воспроизводства образцов институционализированной культуры, определяющих структуру системы. В ССД существует важное соответствие между иерархией отношений контроля над поведением субъектов действия и уровнями общности компонентов нормативной культуры. Ценности составляют высший уровень комплекса представлений о желаемом и не связаны с детальным определением функции или ситуации. Нормы дифференцированы на основе конкретизации функций единиц, к которым они применяются (пример институционализированных норм – законодательство) [Там же: 583]. Принципиально важно то, что нормы узакониваются ценностями, институционализированными в данном обществе.

Парсонс различает религиозные и социетальные ценности, принадлежащие соответственно культурной и социальной подсистемам ССД. При этом он подчеркивает, что вторые находятся на более низком уровне шкалы ценностных образцов, чем первые. То есть с аналитической точки зрения в основе всех социетальных ценностей лежат религиозные [Там же: 616].

Система ценностей (убеждений) данного общества, выступающая в качестве универсально-заданных ориентаций социальной деятельности субъектов действия, образует его **идеологию**. Признать данную систему убеждений идеологией общества (или иного коллектива) позволяет наличие согласия его членов с тем, что она ориентирована на *ценностную интеграцию коллектива*. Идеология возникает на основе системы убеждений тогда, когда существует оценочная обязательность убеждений как аспект членства в данном коллективе, когда поддержка системы убеждений институционализирована как часть роли члена коллектива. То есть актер, разделяющий систему убеждений, должен ощущать, что благо коллектива зависит от сохранения системы убеждений и от воплощения ее в действие. Именно такая система убеждений, в отношении которой проявляется данная установка, приобретает для коллектива интегрирующее значение [Там же: 477–478]. Таким образом, согласно Парсонсу, идеология служит одной из главных основ для когнитивного узаконивания стандартов ценностной ориентации коллектива и его акторов.

Значение, придаваемое Парсонсом идеологии, в его теории столь существенно, что он считает ее одной из двух основных характеристик **общества** – социальной системы особого типа. Общество, по его мнению, – целостная система, организованная в форме, во-первых, единого политического коллектива, и, во-вторых, институционализирующей единой более или менее интегрированной системы ценностей [Он же 1965: 30]. Оно, в отличие от других коллективов, не является подсистемой коллектива более высокого порядка, и значит, обладает самостоятельностью за исключением способности к самолегитимации нормативного порядка. Самодостаточность, согласно Парсонсу, – главный критерий общества [Он же 2002: 580–581]. Консенсус между членами общества в отношении ценностных представлений о нем обеспечивает институционализацию ценностных образцов. Поэтому самостоятельность общества, с точки зрения наличия второй из его характеристик, определяется степенью консенсуса, в которой институты

общества легитимированы общепринятыми обязательствами по поводу ценностей со стороны его членов [Parsons 1969: 39]. Данное мнение Парсонса о необходимости наличия интегрированной системы ценностей и консенсуса в ее отношении, обеспечивающего легитимацию общественных институтов, следует учесть при последующем рассмотрении перспектив становления так называемого «мирового общества».

Далее целесообразно привести предложенную Д. Истоном и полезную для решения задач настоящего исследования классификацию типов идеологий в соответствии с целями (объектами), к которым они относятся. Это, в частности, позволит дифференцировать социально-политические функции идеологии.

(Узко)партийная идеология (*partisan ideology*) служит для мобилизации поддержки конкурирующих претендентов на лидерство. Такая идеология относится к специальным группам убеждений, помогающим организовать (общественное) мнение о тех видах повседневной политики и практики, которые стремятся осуществлять политические власти [Easton 1965: 291, 336].

Легитимирующая идеология (*legitimizing ideology*) – это такие множества убеждений, которые проникают в сердцевину политического режима. Она относится к тем аспектам совокупного множества убеждений, которые ориентированы на поддержку или вызов режиму, и праву властей управлять. Принципы и ценности такой идеологии придают действенность структуре, ее нормам и участникам с точки зрения представлений о будущем, интерпретации настоящего и концепций прошлого. Она необходима в политической системе как основа поддержки (осуществляемой в виде так называемого «входа поддержки» в систему) существующего режима и его властей перед лицом невозможности любой системы удовлетворить все потребности ее членов или уладить все противоречия. Легитимирующий аспект систем убеждений, ориентированный на поддержку режима, особенно важен в политических системах, в которых есть конфликт в отношении легитимности режима или властей [*Ibid.*].

Коллективная идеология (*communal ideology*) относится к устойчивости или изменчивости политического сообщества. Это особые убеждения, обнаруживающиеся среди множества убеждений в политической системе, которые выражают и укрепляют чувство политического единства среди ее членов как группы индивидов, разделяющих общий набор структур, норм и ценностей в политических целях [*Ibid.*: 336]. В функциональном отношении данный тип, по-видимому, соответствует интегрирующей функции идеологии в концепции Т. Парсонса.

Предлагая данную классификацию, Д. Истон при этом не считает, что выделенные типы идеологии выявляются отдельно в эмпирической политике. Они служат как аналитические категории, оставаясь аспектами общей идеологии, обеспечивающей мобилизацию рассеянной поддержки в политической системе [*Ibid.*: 340].

Итак, на основе рассмотрения концепций Т. Парсонса и Д. Истона можно выделить следующие социально-политические функции идеологии:

1) формирование универсально заданных ценностных ориентаций социальной деятельности субъектов действия;

2) ценностная интеграция коллектива;

3) легитимация нормативного порядка (институционального устройства) общества;

4) мобилизация поддержки политического режима либо конкурирующих политических сил.

Глобализация и перспективы становления мирового общества

В целях настоящего исследования теперь необходимо выявить обусловленное глобализационными процессами основное направление трансформации мирового политического контекста, в котором идеология как явление, возможно, заново обретет подобающее ей место.

Как отмечает один из ведущих теоретиков глобализации У. Бек (исследования которого имеют ключевое значение и для переосмысления роли идеологии в глобальную эпоху), к настоящему времени разработано два подхода к этому феномену. «Первый осмысливает и исследует глобализацию в духе растущей *interconnectedness*... Второй подход делает упор на “упразднение пространства временем”... благодаря новым средствам коммуникации... Глобализация уже мыслится здесь не как при первом подходе – растущей взаимозависимостью между продолжающими свое существование национально-государственными общественными пространствами, а как *внутренняя* глобализация самих этих пространств» [Бек 2007: 9]. Согласно этому подходу «мы переживаем создание глобального общества такого рода и такого масштаба, свидетелем которого еще не приходилось быть человечеству... “Глобализация” – это все те процессы, благодаря которым народы мира инкорпорируются в единое мировое общество, “глобальное общество”» [Globalization... 1990: 8, 9]. В этом ключе и будет вестись дальнейшее исследование идеологии в современной политике.

Таким образом, при анализе феномена глобализации с позиций второго подхода представляется возможным рассматривать его в качестве макроисторического процесса становления общества как социальной системы особого типа (в парсонсовском понимании) в мировом масштабе. Соответственно такому пониманию процессы экономической, социальной, политической и институциональной глобализации ведут к становлению определенных функциональных подсистем мирового общества. При данном подходе к феномену глобализации становится научно корректным и применение методологии структурно-функционального анализа для исследования мирового общества и его подсистем.

Здесь целесообразно сосредоточить внимание на концептуальной интерпретации процессов политической глобализации, чтобы затем рассмотреть проблему идеологической легитимации становящейся мировой политической системы. Применительно к мировой политической сфере второй из названных подходов означает, по словам У. Бека, следующее: «...игравшее до настоящего времени ведущую роль во взгляде на мир *различение между национальным и интернациональным растворяется* в пока еще нечетко очерченном силовом пространстве **всемирной внутренней политики** (выделено мной. – Р. З.)» [Бек 2007: 9]. Разрабатываемая им применительно к условиям глобальной эпохи новая теория власти – космополитический реализм – дает ответ на два ключевых вопроса. «Во-первых, как, с помощью каких стратегий мировые экономические акторы навязывают государствам свой образ действия? Во-вторых, как государства в свою очередь могут отвоевать у мировых экономических акторов государственно-политическую метавласть, чтобы заставить всемирно-политический капитал принять *космополитический режим*, включающий политическую свободу, глобаль-

ную справедливость, социальную безопасность и экологическую устойчивость?» [Бек 2007: 10].

Как было отмечено выше, с точки зрения социальной теории Т. Парсонса говорить о существовании мирового общества как целостной системы можно лишь при наличии его особой организации: 1) в форме единого политического коллектива; 2) в виде институционализирующей интегрированной системы ценностей (идеологии), в отношении которой между членами общества существует согласие с тем, что она ориентирована на его ценностную интеграцию. Здесь уместно также отметить, что и авторы, выдвигающие специальные концепции «мирового общества», подчеркивают условие наличия консенсуса по поводу ценностей между членами такого общества как его обязательную характеристику. Так, Х. Булл особо отмечал, что «под мировым обществом понимается не просто степень взаимодействия, связывающая все части человеческого сообщества друг с другом, но чувство общего интереса и общих ценностей, на основе которых могут быть созданы общие правила и учреждения» [Bull 1977: 279]. Р. Дж. Винсент применяет понятие «мировое общество» для обозначения моральных рамок тех акторов и институтов мировой политики, чьи интересы выпадают из сферы «дипломатии и международных отношений» [цит. по: Vuzan 2004: 41]. В данной связи Б. Бьюэн отмечает, что «мировое общество в этом смысле должно также быть обществом подобных в идеологическом отношении государств, расходящихся с основным потоком международного общества» [*Ibid.*]. Схожее мнение высказывал и О. Уэвер, согласно которому мировое общество подразумевает «культурную гомогенность и взаимосвязь обществ» [цит. по: *Ibid.*: 45].

Таким образом, далее стоит задача выявления в мировой политической сфере двух выделенных Т. Парсонсом характеристик, позволяющих признать существование мирового общества. О наличии единого мирового политического коллектива как организационного структурного компонента мирового общества, образующего его политическую подсистему, свидетельствует наличие устойчивых механизмов сотрудничества между ведущими государствами мира, коллективно осуществляющими функцию целедостижения. При этом сформировался достаточно развитый нормативный компонент как необходимая предпосылка мирового общества (образующая его институциональное устройство): совокупность международно-правовых норм, определяющих ожидания в отношении деятельности коллективов (государств, МПО, НПО), включая и группу ведущих государств как мировой политической коллектив. По мнению автора настоящего исследования, сотрудничество государств этой группы (Группа восьми при участии в последние годы Группы двадцати) в рамках комплекса международных институтов имело особое значение для формирования на данной основе политической подсистемы мирового общества. Выступая в качестве координатора и организационного центра по отношению к международным институтам, Группа восьми обеспечивает их взаимосвязь и взаимодействие. Это свидетельствует о том, что комплекс данных институтов объединен в мировую институциональную структуру. Названная структура является, в сущности, совокупным *объектом* (включающим множество объектов – институтов) *отношений* между государствами Группы. Причем их взаимоотношения, направленные на этот объект, обладают таким свойством, как устойчивое сотрудничество (кооперация) между членами Группы с целью коллективного обеспечения регулирования мировых процессов посредством международных институтов. Согласно А. И. Уемову, наличие объекта, на котором реа-

лизуются отношения, обладающие заранее фиксированным свойством, является критерием, позволяющим считать такой комплекс системой [Уемов 2004: 40]. С этой точки зрения мировая институциональная структура является *институционально-политической системой регулирования мировых процессов*. «Политической» ее можно считать потому, что хотя данное регулирование в значительной мере направляется неофициальным коллективным политическим субъектом (Группой восьми), оно осуществляется посредством легитимных механизмов в рамках официальных международных институтов. Их легитимность (в данном случае имеется в виду нормативная, а не ценностная) основана на действующем международном праве. Реализации принятых решений способствует происходящая, в сущности, интеграция легитимных полномочий официальных органов и международно-политического влияния неофициального субъекта. В результате решения институционально-политической системы при необходимости для данного субъекта могут быть реализованы на правовой основе при помощи тех или иных мер принуждения акторов к их исполнению. Это позволяет ставить вопрос о начале процессов формирования в рамках данной системы механизмов нового уровня и типа власти – «мировой власти», которая может осуществляться с помощью разнообразных инструментов: влияния, согласования, рекомендаций, стимулирования, санкций и даже принуждения при помощи силы.

Сказанное также означает, что на смену традиционной Вестфальской системе международных отношений (являвшейся по своему типу системой центрсило-вых взаимодействий, в которой отношения взаимного «сдерживания» центров силы служили средством сохранения их суверенитета) приходит мировая институционально-политическая система управленческого типа¹. Ее функция в формирующемся мировом обществе – целедостижение, осуществляемое мировым коллективным политическим субъектом. Цель деятельности названного субъекта в рамках данной системы – обеспечение регулируемости глобальных процессов, происходящих в различных сферах (становящихся подсистемах) мирового общества [Зуйков 2010].

Таким образом, мировое социальное устройство может быть признано «мировым обществом» в соответствии с первым из двух критериев, выделенных Т. Парсонсом. Теперь стоит задача поиска второй необходимой основы организационного устройства мирового общества. Имеется в виду институционализирующая интегрированная система ценностей (идеология), в отношении которой между членами мирового общества существовало бы согласие с тем, что она ориентирована на ценностную интеграцию данного общества. Именно наличие такой идеологической основы, с точки зрения теории, призвано обеспечивать *ценностную* легитимацию деятельности мирового коллективного политического субъекта по обеспечению так называемого глобального управления².

¹ Поэтому, в частности, для характеристики формирующегося в конце XX – начале XXI в. мирового политического устройства некорректно применение широко распространенных центрсило-вых определений, основанных на учете количества центров силы («моноцентричное», «полицентричное», часто также называемые псевдонаучными терминами «однополярное», «многополярное»). Центрсило-вые определения корректны для обозначения той или иной структурной конфигурации системы центрсило-вых взаимодействий. Поскольку же ей на смену приходит мировая институционально-политическая система, коллективный состав ее политического субъекта позволяет характеризовать устройство данной системы как **ограниченно многостороннее** или, с функциональной точки зрения, обозначать ее как **систему коллективного мирорегулирования**.

² О проблематике глобального управления см., например: Approaches... 1999; Rosenau 2005; Khagram 2006; New Modes... 2006; Немчук 2004; Кустарев 2007; Темников 2007; Барабанов 2009; Вебер 2009; Чумаков 2010.

Проблема идеологической легитимации космополитического суверенитета мировой институционально-политической системы

Процесс становления мирового общества, включающий формирование особой политической подсистемы, управляющей им, предполагает замену международной анархии глобальной властью и управлением. Разработчик теории нового глобального властного и правового порядка У. Бек обозначает таковой понятием «космополитический режим». Бек также поставлен вопрос об источниках легитимности такого режима и теоретически обоснован ответ на него. Поэтому целесообразно проанализировать его аргументацию.

Прежде всего Бек отмечает, что ответ на вопрос об источниках легитимности правил «метаигры мировой политики» в эмпирической политике дается игроками, исходя из перспектив их действия. «Сторонники национальной игры в шашки... играют в новую игру за власть, предполагая, что любые, в том числе будущие правила игры в конечном счете соответствуют легитимности правил национальной игры в шашки» [Бек 2007: 37]. Глобальный порядок, согласно этим представлениям, в его легитимной основе есть национальный, выводимый из национально-государственной легитимности порядок. То есть «методологический национализм предполагает национальное государство в качестве неизменного и абсолютного источника легитимности наднациональных норм и организаций» [Там же].

Сторонники космополитического режима, напротив, считают, что космополитика располагает автономными источниками легитимности. «Глобальные проблемы – права человека, предотвращение климатической катастрофы, борьба против нищеты и за справедливость – открывают новые внедемократические, внегосударственные источники обосновывающей самое себя легитимности: голосование заменяется одобрением» [Там же: 36]. Целью метаигры мировой политики являются, по мнению Бека, сами основы ее легитимации. Таким образом, «метаигра включает возможность смены парадигмы легитимации» [Там же: 38]. Однако смена легитимации отменяет санкционированный международным правом национальный суверенитет и открывает путь легитимным интервенциям военного гуманизма. Возникающую на этой основе проблему возможности проявлений национально-государственного экспансионизма под прикрытием риторики гуманитарного вмешательства Бек теоретически разрешает введением различия между *неистинным* и *истинным* космополитизмом. Первый использует космополитическую риторику для достижения национально-гегемонистических целей. Второй означает приоритет универсального права и трансцендентальных моральных притязаний (в духе идей И. Канта о «вечном мире») над притязаниями могущественных государств [Там же]. Таким образом, истинный «космополитический режим означает равенство государств перед господством закона» [Там же: 402]. При этом Бек подчеркивает, что легитимность космополитического режима не может завоевываться «снизу вверх», то есть через демократическое голосование и одобрение отдельных государств. Она должна обосновываться «сверху вниз», как бы дедуктивно, исходя из очевидной универсальности принципов и основных положений – из последствий для всего человечества и для каждого отдельного человека [Там же: 390]. «Призыв к защите прав человека, как источник легитимности глобальной власти, всегда связывается с урегулированием актуальных конфликтов, не знающих границ и угрожающих режиму прав человека» [Там же: 388].

Бек выделяет три возможных источника самообоснования космополитического суверенитета. Первый – *разумное право*, основанное на идеях Канта: космополитический режим самообосновывается и осуществляется в формах правового конституционализма. Космополитические принципы обретают всеобщую обязательность в соответствии с негласным внутренним принуждением, к которому побуждает наилучший аргумент из возможных, очевидный для всех участников любых коммуникаций. Второй – *правовой позитивизм*, который, напротив, предполагает, что принципиальные обоснования правовых норм всегда и принципиально исключены. Легитимность космополитического режима оценивается по степени его эмпирической законности, которая зависит от конкретных обстоятельств. То есть в той мере, в какой космополитический режим реально осуществляется, он обосновывает себя сам. Третий источник – *прагматизм* – исходит из того, что космополитический режим самообосновывается, например в соответствии с возможностью с его помощью глобально (или локально) решать глобальные проблемы. В той мере, в какой космополитический режим оправдывает себя на практике, он обретает легитимность [Бек 2007: 397–398].

Свою аргументацию в пользу самообоснования космополитического режима Бек резюмирует следующим образом. «Если при космополитическом режиме моральный, основной, распространяющийся на всех порядок прилагают к новому, не знающему границ человечеству и устанавливают для него, то легитимность этого порядка может принципиально выводиться не из легитимационных источников территориально ограниченного национально-государственного порядка. Он нуждается в собственных источниках легитимности, поскольку лишь они позволяют создать моральный и правовой порядок проективно для всех и для каждого в отдельности, но, значит, *против* национально-государственных акторов и принципов легитимности. Революционное преодоление национально-государственного порядка мыслимо только в форме *установления космополитического режима*, который этически, прагматически и политически осуществляет самообоснование в форме самоосуществляющегося пророчества» [Там же: 398]. Здесь уместно напомнить, что с точки зрения социальной теории Парсонса, на которую опирается данное исследование, свою логическую завершенность общество, оформленное в виде единого политического коллектива, обретает вместе с легитимацией общественных институтов общепринятыми обязательствами членов общества по поводу ценностей. Отсюда следует *логический*, то есть теоретический (хотя эмпирически и не очевидный) вывод, согласно которому в полноценном **мировом обществе** «благой ценностный и мировой порядок космополитизма не имеет альтернативы» [Там же: 400].

Этот вывод становится предпосылкой осознания потребности в создании соответствующей мировому космополитическому порядку идеологии. Исходя из этой необходимости, У. Бек выступил первопроходцем разработки «новой идеологии за пределами национализма, коммунизма, социализма, неолиберализма, перспективы которой ему видятся в идеологии космополитизма» [Федотова В. Г., Федотова Н. Н. 2007: 436]. В *проекте* космополитизма «на место нации, как земной религии, могла бы выступить земная религия космополитизма. Она уже не знает, в отличие от национального порядка, ни других, ни внешних. Космополитизм, домысленный до конца, есть секуляризованный Божественный порядок на этой земле» [Бек 2007: 404].

Далее необходимо найти ответ на следующий возникающий вопрос. Почему именно космополитическая идеология, а не какая-либо другая способна стать идейно-политической основой формирующегося на наших глазах транснационального мирового общества? При этом важно исходить из того, что *образующие данное общество социальные сферы имеют сетевую структуру, а компоненты (узлы) этих сетей локализируются в территориальных пространствах, включенных в различные государственные, этнические, культурные, религиозные ареалы*³.

Контурсы космополитической идеологии

Исходным при создании новой идеологии становится вопрос о том, какая идея может оказаться центральной «в мире, характеризующемся, по практически всеобщему признанию, нарастающим многообразием и даже несопоставимостью элементов?.. Этот вопрос, полагает У. Бек, во многом сводится к вопросу о том, есть ли в мире XXI века универсальные... принципы» [Иноземцев 2008: XXXVIII–XXXIX]. Отвечая на него, он полагает, что такой идеей может стать защита и утверждение доктрины прав человека. Универсализм данного принципа, способного стать общей основой для достижения согласия между культурно разнородными коллективами, интегрирующимися в мировое общество, становится предпосылкой, свидетельствующей в пользу космополитического масштаба новой идеологии.

Бек предварительно выделяет пять существенных и взаимосвязанных принципов, на которых строится космополитическое мировоззрение. Представляется необходимым привести их здесь.

«Во-первых, это учет опыта кризисов в глобальном обществе: осознание взаимозависимости и проистекающей из нее “цивилизационной общности судеб”, задаваемой глобальными рисками и кризисами, которые перешагивают границы между внутренней и внешней сферами, между нами и ними, между национальным и международным.

Во-вторых, это признание космополитических различий и вытекающего из них *космополитического характера конфликтов*, а также (ограниченное) любопытство по поводу различий в культуре и идентичности.

В-третьих, это космополитическое сочувствие и сопереживание, а также фактическая взаимозаменяемость различных ситуаций (и как дополнительная возможность, и как угроза).

В-четвертых, это неспособность жить в мире без границ и как результат – стремление překроить прежние барьеры или заново отстроить их.

В-пятых, это комбинирование: локальные, национальные, этнические, религиозные и космополитическая культуры проникают друг в друга, они взаимосвязаны и перемешаны – космополитизм без провинциализма пуст, а провинциализм без космополитизма слеп» [Бек 2008: 10].

Почему же космополитическое мировоззрение оказывается предпочтительным в отличие от традиционных идеологий для легитимации космополитического режима? Дело в том, что, согласно логической аргументации Бека, космополитический режим может быть легитимирован только на основе идей методологиче-

---

³ О сетевой структуре мирополитической и геоэкономической сфер мирового общества см.: Slaughter 2004; Зуйков 2009.

ского космополитизма, который исповедует космополитическая идеология⁴. Такой режим оказывается нелегитимным с позиций методологического национализма, лежащего в основе традиционных идеологий. Последние формировались как идейно-политическая ценностная основа национально-государственных обществ. Кроме того, с точки зрения перспектив мирового общества традиционные идеологии могут быть отнесены скорее к типу узкопартийных (по классификации Истона) как выражающие «классовые» интересы. Даже будучи надклассовой в рамках того или иного национально-государственного общества, такая идеология остается «классовой», если рассматривать данное общество как составную часть определенного мирового класса (согласно И. Валлерстайну⁵) в иерархизированной «капиталистической мир-системе», тогда как становящееся мировое общество выдвигает запрос на идеологию иного, глобального уровня, исповедующую другую парадигму ценностной легитимации общественных институтов и способную обеспечить ценностную интеграцию мирового общества. Разрабатываемая Беком космополитическая идеология как претендующая на выполнение данных функций в мировом обществе может, согласно типологии Истона, быть признана легитимирующей и одновременно коллективной идеологией.

«Что несет с собой глобализация – усиление однородности или разнородности человечества?». Такой вопрос ставит и предлагает свой ответ на него ведущий российский разработчик теории и методологии новой науки глобалистики М. А. Чешков. «И то и другое, причем тенденция к нарастанию разнородности не ведет автоматически к распаду целого, поскольку вырабатываются механизмы и принципы соотнесения разнородных частей глобального целого» [Чешков 2005: 25]. В условиях глобализации, ведущей к формированию мирового общества, при сохраняющейся дифференциации мира в сфере духовной культуры, возможно, именно светская идеология космополитизма, согласованная с нравственными основами мировых религий (что еще необходимо исследовать), способна придать идеологическую легитимность космополитическому режиму мировой внутренней политики и на этой основе обеспечить ценностную интеграцию данного общества. Здесь необходимо привести мнение Парсонса, согласно которому общепризнанность системы убеждений – условие полной интеграции системы социального взаимодействия, тогда как когнитивные различия создают источник напряженности [Парсонс 2002: 480]. «Убежденность в когнитивной валидности функционально необходима в системах действия. И там, где такое убеждение возможно только путем принесения в жертву когнитивного ценностного стандарта, возникает элемент напряженности в такой системе действия» [Там же: 481].

В связи с этим необходимо акцентировать внимание на еще одном важнейшем моменте космополитического мировоззрения. Космополитизм признает *инаковость другого*: культурно иных как отличающихся, но при этом равных (в отличие от позиции «одинаковый-равноценный», «отличающийся-неполноценный») [Бек 2007: 370–374]. В этом, по мнению Бека, состоит важное преимущество кос-

⁴ О методологическом космополитизме и критике с его позиций методологического национализма см.: Бек 2007: 45–49, 61–62, 78–87; 2008: 34–49, 113–125, 236–239.

⁵ См.: Wallerstein 1984: 32–36; Валлерстайн 2004: 141–147. Об экономических основаниях иерархического устройства капиталистической мир-экономики, служащих предпосылкой ее социально-классовой поляризации, см. также: Валлерстайн 2008: 88–89.

мопוליцизма перед идеологией неолиберального глобализма с его нацеленностью на гомогенизацию различий⁶.

Таким образом, с точки зрения социальной теории Парсонса именно достижение консенсуса между членами разнородного мирового общества в отношении идеологии космополитизма как обеспечивающей ценностную легитимацию институционального устройства данного общества явилось бы признаком логической полноценности его становления. Возможно, этому могла бы способствовать более широкая представительность мирового политического коллектива в смысле духовно-культурной принадлежности его членов. При этом важно соблюсти условие сохранения высокого уровня внутренней интегрированности и действительности этого коллектива.

В завершение стоит привести аргументы самого автора новой идеологии, свидетельствующие в ее пользу: «Космополитическими стали сами обстоятельства человеческого бытия»; «Пожалуй, космополитическое мировоззрение означает, что в мире глобальных кризисов и угроз, порожденных развивающейся цивилизацией, все прежние разграничения между внутренней и внешней сферами, между национальным и международным, “нами” и “ними” уже не годятся для жизни. Напротив, чтобы выжить, необходим новый космополитизм» [Бек 2008: 2, 20].

Общий вывод, следующий из результатов проведенного исследования, видится таковым. Политическая глобализация обуславливает вызревание и развитие тенденции, ведущей к трансформации идейно-политической сферы сообразно глобализационным процессам. Выявляется задаваемая объективными условиями необходимость идеологической легитимации особой деятельности, направленной на обеспечение управления глобальными процессами, происходящими в различных сферах формирующегося мирового общества. Данная объективная необходимость преломляется и концентрируется в соответствующую субъективную потребность, появляющуюся у становящегося субъекта мирорегулирования – мирового политического коллектива. На этом основании наиболее вероятным *центральным* направлением развития идейной сферы *в контексте политической глобализации* становится ее космополитизация, приобретающая форму особой космополитической идеологии. Лежащие в ее основе универсальные принципы, суть которых – защита и утверждение доктрины прав человека, а также соответствующее этой доктрине равенство государств перед господством закона, в перспективе становятся определяющими характер идейно-политической сферы. Это относится к уровням как транснационального мирового общества в целом, так и интегрированных в него сегментов национально-государственных обществ, образующих узлы сетевого мирового общества.

Литература

Барабанов О. Н. Проблемы глобального управления: выбор аналитической парадигмы // Вестник международных организаций. 2009. № 2. С. 5–13. (Barabanov O. N. Problems of global management: The choice of the analytical paradigm // Herald of the international organizations. 2009. No. 2. Pp. 5–13).

---

⁶ О неолиберальной идеологии см.: Харви 2007.

Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М. : Прогресс-Традиция; Территория будущего, 2007. (Beck U. Power and its opponents during the epoch of globalism. New world political economy. Moscow: Progress-Tradition; Territory of the future, 2007).

Бек У. Космополитическое мировоззрение. М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2008. (Beck U. Cosmopolitan worldview. Moscow: Center of post-industrial society researches, 2008).

Валлерстайн И. Конфликт классов в капиталистической миро-экономике // Э. Балибар, И. Валлерстайн. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / пер. с фр. М. : Логос, 2004. С. 135–147. (Wallerstein I. Conflict of classes in the capitalist world-economy // E. Balibar, I. Wallerstein. Race, nation, class. Ambiguous identities / transl. from French. Moscow: Logos, 2004. Pp. 135–147).

Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М. : Тов-во науч. изд. КМК, 2008. (Wallerstein I. Historical capitalism. Capitalist civilization. Moscow: Tvorchestvo Nauchnykh Izdaniy KMK, 2008).

Вебер А. Б. Системный мир и проблема глобального управления // Век глобализации. 2009. № 1. С. 3–15. (Veber A. B. System world and problem of global management // Age of Globalization. 2009. No. 1. Pp. 3–15).

Зуйков Р. Миросистемность: критерии и трансформация // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 8. С. 55–61. (Zuykov R. World System: Criteria and transformation // World Economy and International Relations. 2009. No. 8. Pp. 55–61).

Зуйков Р. Вестфальская система межгосударственных отношений: критерии и трансформация // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 3. С. 13–27. (Zuykov R. Westphalian system of the interstate relations: criteria and transformation // World Economy and International Relations. 2010. No. 3. Pp. 13–27).

Иноземцев В. Провозвестник грядущего / У. Бек // Космополитическое мировоззрение. М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2008. С. XV–LI. (Inozemtsev V. The precursor of the future / U. Beck // Cosmopolitan worldview. Moscow: Center of Post-industrial society researches, 2008. Pp. 15–51).

Кустарев А. Кем и как управляется мир // Pro et contra. 2007. № 6. С. 6–19. (Kustarev A. Who and how is the world ruled // Pro et contra copes. 2007. No. 6. Pp. 6–19).

Немчук А. А. Глобальное управление: pro et contra. М. : Интердиалект +, 2004. (Nemchuk A. A. Global management: pro et contra. Moscow: Interdialect +, 2004).

Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. М. : Академический проект, 2002. (Parsons T. About social systems / Ed. by V. F. Chesnokova and S. A. Belanovsky. Moscow: Academic project, 2002).

Парсонс Т. О структуре социального действия. М. : Академический проект, 2000. (Parsons T. On the structure of social action. Moscow: Academic project, 2000).

Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. Американская буржуазная социология середины XX века: сб. статей, сокр. пер. с англ.; общ. ред. и предисл. Г. В. Осипова. М. : Прогресс, 1965. С. 25–67. (Parsons T. General and theoretical problems of sociology // Sociology Today. Problems and prospects. American bourgeois sociology of the middle of the XX century: Collection of articles, abridged transl. from English; general editorship and introduction by G. V. Osipova. Moscow: Progress, 1965. Pp. 25–67).

Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 94–122. (Parsons T. Definition of society: Components and their relationship // THESIS. 1993. Vol. 2. Pp. 94–122).

Темников Д. М. Опыт теоретического осмысления мирового регулирования // Полис. 2007. № 6. С. 133–145. (Temnikov D. M. Experience of theoretical judgment of the world regulation // Polis. 2007. No. 6. Pp. 133–145).

Уемов А. И. Л. фон Берталанфи и параметрическая общая теория систем // Системный подход в современной науке / отв. ред. И. К. Лисеев, В. Н. Садовский. М. : Прогресс-Традиция, 2004. С. 37–52. (Uyemov A. I. L. von Bertalanffy and the parametrical general theory of systems // System approach in modern science / Ed. by I. K. Liseev, V. N. Sadovsky. Moscow: Progress-Tradition, 2004. Pp. 37–52).

Федотова В. Г., Федотова Н. Н. Вторая великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. Послесловие / У. Бек // Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / пер. с нем. М. : Прогресс-Традиция; Территория будущего, 2007. С. 433–460. (Fedotova V. G., Fedotova N. N. Second great transformation: Political and economic sources of our time. Epilogue / U. Beck // Power and its opponents during the epoch of globalism. New world political economy / transl. from German. Moscow: Progress-Tradition; Territory of the future, 2007. Pp. 433–460).

Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М. : Поколение, 2007. (Harvey D. A brief history of neoliberalism. Essential reading. Moscow: Generation, 2007).

Чешков М. А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М. : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. (Cheshkov M. A. Global studies as scientific knowledge. Sketches of the theory and categorical device. Moscow: Scientific and educational forum on the international relations, 2005).

Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // Век глобализации. 2010. № 2. С. 3–15. (Chumakov A. N. Global world: The problem of management // Age of Globalization. 2010. No. 2. Pp. 3–15).

Approaches to Global Governance Theory / Ed. by M. Hewson, T. J. Singlair. N. Y. : State University of New York Press, 1999.

Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. London : MacMillan, 1977.

Buzan B. From International to World Society? English School Theory and the Social Structure of Globalization. Cambridge : Cambridge University Press, 2004.

Easton D. A Systems Analysis of Political Life. N. Y.; London : John Willey & Sons, Inc., 1965.

Globalization, Knowledge and Society / Ed. by M. Albrow, E. King. London etc. : Sage, 1990.

Khagram S. Possible Future Architectures of Global Governance: A Transnational Perspective/Prospective // Global Governance. A Review of Multilateralism and International Organizations. 2006. № 1. P. 97–117.

New Modes of Governance in the Global System: Exploring Publicness, Delegation and Inclusiveness / Ed. by M. Koenig-Archibugi, M. Zürn. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2006.

Parsons T. Politics and Social Structure. N. Y. : The Free Press; London : Collier-MacMillan Ltd., 1969.

Rosenau J. The Study of World Politics. Vol. II. Globalization and Governance. N. Y. : Taylor & Francis Ltd., 2005.

Slaughter A.-M. A New World Order. Princeton, Oxford : Princeton University Press, 2004.

Wallerstein I. The Politics of the World-Economy: The States, the Movements and the Civilizations. Cambridge : Cambridge University Press, 1984.